

**Міністерство культури України
Національний заповідник "Софія Київська"**
**Національна Академія наук України
Інститут археології**

ХРАМ І ЛЮДИ

**Збірка статей
до 90-річчя з дня народження
Сергія Олександровича Висоцького**

Київ 2013

СВ. СОФИЯ КИЕВСКАЯ В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI В.¹

Дата постройки. Разгоревшаяся недавно дискуссия о дате постройки существующего здания Св. Софии Киевской, хотя и позволила прояснить многие спорные моменты, все же еще раз показала, что мы не знаем точной даты его закладки, возведения и украшения. В любом случае, оно было построено после 1017 г., когда, согласно Титмару Мерзебургскому², сгорела первая Св. София в Киеве, а точнее, после 1018 г., так как упомянутая под этим годом у Титмара Св. София не может быть идентична сохранившейся постройке³. Дополнительным аргументом в пользу начала строительства собора после середины 1020-х гг. является окончание в 1026 г. войны Ярослава Мудрого с Мстиславом Тмутараканским (заложившим, в свою очередь, Спасский собор в Чернигове). С другой стороны, строительство нынешнего здания Св. Софии Киевской было закончено до 1038/1039 г., когда на фреске южной лестничной башни появилось греческое граффито⁴. Учитывая то, что на роспись и отделку мозаикой после окончания строительства ушло не меньше года, получается, что последнее завершилось не позже 1037 г. (что, кстати, создает *raison d'être* для летописной статьи о Св. Софии Киевской именно под 5445 (1037) г. и, более того, совпадает с указанием Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода).

Таким образом, строительство нынешней Св. Софии Киевской можно условно датировать второй половиной 1020-х — 1030-ми гг.⁵ Этот вывод существен для оценки процесса церковного строительства на Руси во второй четверти XI в. После завершения Св. Софии Киевской ок. 1037 г. ее строители, вероятно, выполнили ремонт Десятинной церкви, пересвященной в 1039 г. Затем (как указывает ПВЛ) они воздвигли Золотые ворота, какие-то — но не все — постройки в “городе Ярослава” (дворец, храмы Св. Георгия и Св. Ирины) и, наконец, достроили черниговский Спасский собор⁶, что как раз заполняет лауну в деятельности этой артели до 1045 г., когда ей же была заложена Св. София Новгородская⁷.

Византийская архитектура второй четверти XI в. Архитектура Св. Софии Киевской неоднократно привлекала интерес исследователей⁸, однако недостаточно внимания, как кажется, было уделено ими конкретному месту этого храма в византийской архитектуре данного периода⁹.

В литературе уже давно отмечалась исключительная важность периода второй четверти — середины XI в. в истории византийского зодчества¹⁰, хотя, в действительности, эта эпоха еще ждет своего исследователя. После смерти в 1025 г. бережливого императора Василия II, лишь восстанавливавшего поврежденные землетрясением храмы¹¹, на престоле и вокруг него появляются различные представи-

тели византийской аристократии, которые стремятся увековечить память о себе в монументальных постройках в столице, превзойдя всех своих предшественников. Роман III Аргир (1028–1043) с необыкновенной роскошью возводит храм Богородицы Перивлепты¹². Набожный Михаил IV Пафлагонянин (1034–1041) с большим размахом перестроил храм Свв. врачей Космы и Дамиана¹³. Строительство храма Св. Георгия в Манганах императором Константином IX Мономахом (1042–1054) вообще считается хрестоматийным примером безрассудных трат¹⁴. Впрочем, на царствовании Константина IX этот строительный “бум” и закончился: отсутствие значительных ктиторских построек у последующих императоров противоречит предложению С. Манго продлить этот период до 1071 г.¹⁵

Столичная византийская архитектура 1028–1056 гг. обладает, на наш взгляд, тремя наиболее существенными чертами, встречающимися по отдельности и в другие периоды, но в своей совокупности определяющими именно облик зодчества второй четверти XI в.¹⁶

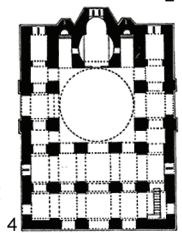
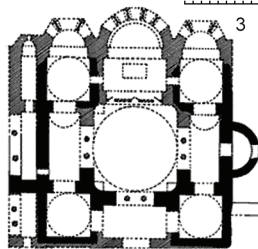
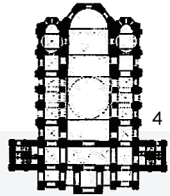
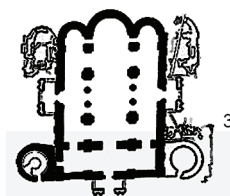
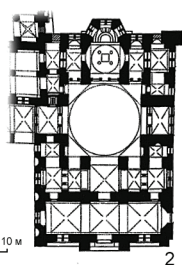
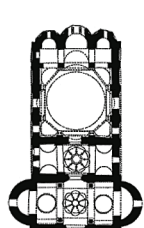
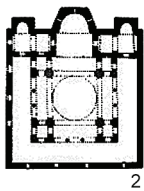
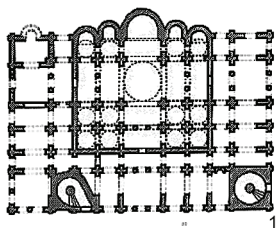

Рис. 1. Планы храмов: 1 – Св. София Киевская (по: Комеч А.И. Древнерусская архитектура... – С. 171); 2 – Храм в Маяфаркине (по: Brunov N. Die fünfschiffige... – S. 69); 3 – Спасский собор в Чернигове (по: История русского искусства. Т. 1 / Под. Ред. М.М. Раковой и И.В. Рязанцева. – М., 1991. – С. 12); 4 – собор в Дерее-Азы (по: Mango C. Op. cit. – S. 172).

Рис. 2. Планы храмов: 1 – кафоликон Неа Мони на Хиосе; 2 – кафоликон монастыря Осиос Лукас в Фокиде (оба по: Ousterhout R. Masterbuilders of Byzantium. – Princeton, 1999. – Fig. 65, 14); 3. Храм Св. Георгия в Манганах, Константинополь; 4. Сотир Ликодиму в Афинах (оба по: Mango C. Op. cit. – S. 229, 224).

Во-первых, это необычайная тяга к архитектурной новизне. Появляются неизвестные средневизантийскому зодчеству планы и конструкции храмов¹⁷. Самым популярным среди императорских заказов в эту эпоху становится “октагон на тропках” (кафоликон Неа Мони на Хиосе, кафоликон монастыря Осиос Лукас в Фокиде и провинциальная реплика последнего — Сотир Ликодиму в Афинах; рис. 2: 1, 2, 4). Другие варианты октагональных конструкций — “восьмилистники” с уменьшенными угловыми апсидками, представлены

Панагией Камариотиссой на о. Халки (Хейбели-Ада) в Мраморном море (рис. 3: 2) и храмом Свв. Апостолов в Афинах¹⁸ рис. 3: 1); к ним примыкает первоначальный тетраконх Панагии Мухлиотиссы в Константинополе (рис. 3: 4) — с 3 нишами в каждой апсиде и 4 колоннами в углах подкупольного квадрата¹⁹. Необычен план столничного храма св. Георгия в Манганах — со скруглением углов подкупольного квадрата (рис. 2: 3)²⁰. Церковь Св. Николая в Авлиде (Греция) — крест с апсидами в торцах рукавов²¹. Храм Св. Николая в Месопотаме (на территории совр. Албании) — уникальная постройка с одной колонной, двумя апсидами и четырьмя куполами²².

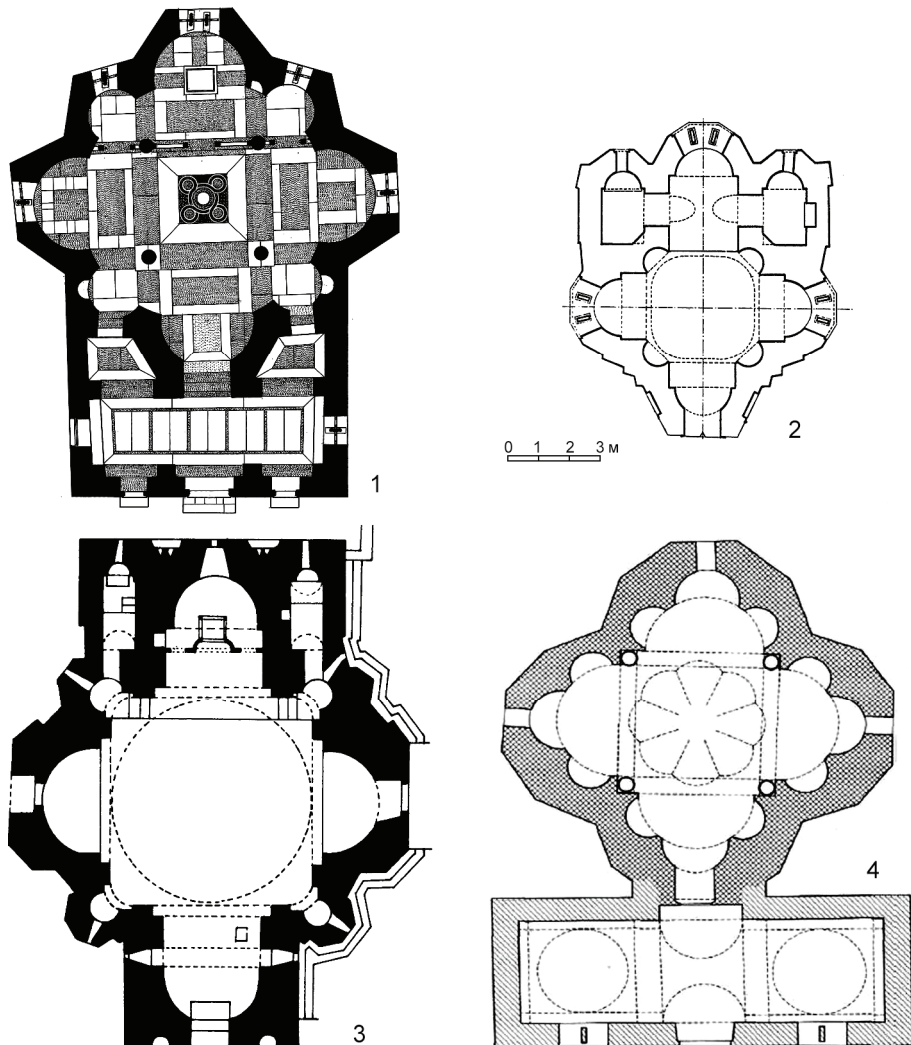

Рис. 3. Планы храмов: 1 – храм свв. Апостолов на Агоре, Афины (по: Darling J.K. Architecture of Greece. – Westport – London, 2008. – P. 20); 2 – Панагия Камариотисса на о. Халки; 3 – храм Св. Креста на о. Ахтамар (оба по: Mango C. Op. cit. – S. 227, 229); 4 – Панагия Мухлиотисса в Константинополе (Μπούρας Χ. Η αρχιτεκτονική... – Σ. 43).

Ил. 1. Кафоликон Неа Мони на Хиосе, интерьер, вид на юго-восток (фото А.Ю. Виноградова, 2010 г.).

Ил. 2. Св. София Киевская, интерьер, вид на север (фото Р. Новикова, 2009 г.).

Ил. 3. Собор в Мокви (Абхазия), интерьер, вид на западную часть крайнего северного "нефа" (фото Д.В. Белецкого, 2010 г.).

Ил. 4. Кафоликон монастыря Осииос Лукас в Фокиде, интерьер, вид на юго-восток (фото А.Ю. Виноградова, 2010 г.).

Ил. 5. Квелацминда близ Вачнадзиани (Кахетия), интерьер, свод северной галереи (фото А.Ю. Виноградова, 2012 г.).

Ил. 6. Св. София Киевская, интерьер, вид на восток (фото Р. Новикова, 2009 г.).

Ил. 7. Сотир Ликодиму в Афинах, интерьер, вид на юго-западный столп (фото А.Ю. Виноградова, 2010 г.).

Ил. 8. Храм в Лыхнах (Абхазия), интерьер, вид на северо-западный столп (фото Д.В. Белецкого, 2010 г.).

Ил. 9. Св. София Киевская, северный фасад галереи, кладка (фото Д.Д. Ёлшина, 2009 г.).

Ил. 10. Собор в Маставре (Дере-Азы, Турция), интерьер, вид на северо-восток (фото А.Ю. Виноградова, 2006 г.).

С такой конструктивной новизной парадоксальным образом соседствует возвращение к древним, ранневизантийским архитектурным типам — вторая характерная черта зодчества этого времени. Тот же тип “октагона на тропях”, в его простом варианте (типа кафоликона Неа Мони), был известен в ранний период как на востоке империи (храм в Амиде, баптистерий в Нисибине), так и на ее западе (баптистерий Сан-Джованни-ин-Фонте в Неаполе)²³. План Панагии Камариотиссы сходен с кавказскими постройками VI–X вв. (храмы в Сорадире и Ахтамаре (рис. 3: 3)²⁴), которые, в свою очередь, восходят, вероятно, к несохранившимся ранневизантийским церквям; план Св. Апостолов в Афинах также находит ранневизантийские аналогии²⁵. Чуть позже, в 1063 г.,

началось строительство собора Св. Марка в Венеции по образцу храма Свв. Апостолов в Константинополе. Та же тенденция проявляется и в оформлении интерьера: так, в верхнем ярусе кафоликона Неа Мони явно чувствуется стремление к преобладанию (пусть даже “атектоничному”) округлых форм, как в константинопольской Св. Софии или храме Свв. Сергия и Вакха. Может быть, именно в этой, вполне осязаемой материи, а не только — и не столько — в качестве строительства и в общих эстетических установках²⁶, и следует искать так толком и не найденный средневизантийский архитектурный “ренессанс”?

Наконец, третья отличительная черта византийской архитектуры второй четверти XI в. (не ее одной, но ее — в первую очередь) — то качество, которое условно можно назвать вариативностью. Оно касается, прежде всего, способности модифицировать планы и конструкции: добавлять яруса, рукава креста и обходы, причем как в ходе строительства (см. выше, о храмах Богородицы Перивлелпты и Св. Георгия в Манганах), так и внутри типов: например, в случае “октагона на тропях”, где простому варианту кафоликона Неа Мони противостоит усложненная конструкция кафоликона обители Осиос Лукас; создавать храм одного и того же типа как с подкупольными колоннами (Свв. Апостолы в Афинах), так и без (Панагия Камариотисса). Но это также и умение варьировать оформление интерьера, особенно посредством апсидиолей, которые в столичной архитектуре этого времени, в отличие от X в., появляются не

только в алтаре и нартексе, но и в наосе, причем в разных ярусах (кафоликаны Неа Мони (ил. 1) и монастыря Осиос Лукас, в т. ч. и там, где их появление было обусловлено лишь нуждами мозаичной декорации).

Столичное и провинциальное в Св. Софии Киевской. Как же соотносится с тремя этими характеристиками Св. София Киевская (рис. 1: 1), которая также представляет собой ктиторскую постройку верховного правителя христианской державы, возведенную не только в силу необходимости (размеров Десятинной церкви вполне хватало для кафедрального собора Киевской митрополии), но и для репрезентации могущества Ярослава Владимировича? Новизна ее плана несомненна: аналогии в виде Нижней церкви “у крепостной стены” в болгарском Преславе (в реконструкции С. Бояджиева; 870-е гг.)²⁷ и собора в абхазском Мокви (955–965 гг.; ил. 3)²⁸ весьма условны, так как в них дополнительные северные и южные компартименты представляют собой не единое пространство “нефа”, а ряды отделенных друг от друга помещений, соответствующих не столько крайним боковым “нефам” Св. Софии Киевской (ил. 2), сколько обстройкам константинопольских храмов X–XII вв.²⁹ Возможное подражание древнему образцу в Св. Софии Киевской выражается в совпадении основных элементов ее планировки (при большой разности конструктивных приемов) с планом ранневизантийского храма в месопотамском Маяфаркине (591 г.?.; рис. 1: 2), отмеченное еще Н. Бруновым³⁰. Наконец, “вариативность” проявляется в соотношении ее плана с планами средневизантийских храмов “с трехсторонним обходом” (типа константинопольских Паммакаристос и Гюль Джами): разница между ними, заключающаяся в добавлении в Киеве дополнительных ячеек и соответствующем отодвижении пар колонн между опорами, очень близка разнице между простым и усложненным вариантами “октагона на тропях” (см. выше)³¹.

Но означает ли это — вкупе с другими константинопольскими элементами (такими, как мозаики и наружные галереи), — что Св. София Киевская полностью вписывается в контекст столичной архитектуры второй четверти XI в.? Ведь в ней отсутствуют многие черты, которые определяют облик константинопольской архитектуры в средневизантийское время. И если замену легких колонн на тяжелые крещатые, восьмигранные и пучковые столбы (ил. 2), равно как и мраморной облицовки интерьера — на фрески, еще можно объяснить трудностями с мрамором, то полное отсутствие крестовых сводов и апсидолей³², определяющих облик константинопольской архитектуры X–XII вв., ясно вырывает киевский храм из столичного контекста.

Наряду с такими явно провинциальными (в смысле происхождения, а не качества) чертами в экстерьере Св. Софии Киевской, как меандр³³, кладка cloisonnée и ее имитация, смешанное впечатление производит и ее внутренний объем. Так, в отличие от большинства провинциальных памятников этого времени, здесь на стенах есть карниз (на уровне хор), но лишь один (и очень скромный)³⁴, а не два (на уровне пят малых и больших подпружных арок), как в средневизантийской столичной архитектуре, которые имеются и в современных Киевской Софии двухъярусных

постройках (на уровне хор и на уровне пят больших подпружных арок), в т. ч. и провинциальных (например, собор в Дерезе-Азы; ил. 10).

Хотя в Св. Софии Киевской купол опирается на 4 свободно стоящие опоры, здесь, в отличие от большинства церквей такой планировки (храмы типа вписанного креста на 4 колонках/столпах), алтарная преграда не отодвинута на один ряд ячеек к востоку, а идет по линии восточных подкупольных опор. Это можно объяснить, конечно, и влиянием “модных” столичных архитектурных типов этого времени (прежде всего, “октагона на тропках”), где само их устройство предполагает такое ее положение, но проще — типичным для провинции отсутствием собственно вим, превращающим в их подобия восточные ячейки храма.

От построек константинопольской школы второй четверти XI в. киевский храм отличает и подход к освещению наоса: если в первых всегда есть выходящие в наос окна в северной, западной или южной стене (в двухъярусных постройках, типа кафоликона обители Осииос Лукас, это достигается за счет выработанного в VI–VIII вв. “раскрытия” верхней части боковых рукавов креста; ил. 4), то Св. София Киевская, с ее “закрытыми” хорами по всему периметру, лишена бокового света (ил. 2). В результате все световые акценты оказываются сосредоточены на куполе и апсидах (ил. 6), — такого “затемнения” не знает ни один тип средневизантийского крестовокупольного храма столицы, так как в них галереи/обстройки никогда не закрывают окон в верхней части рукавов креста³⁵.

Даже самый столичный элемент киевского интерьера — мозаики, по своему расположению отличается от столичной практики: в апсиде и на подпружных арках помимо сводов они покрывают здесь и плоские стены храма (подобно мозаикам начала XII в. в грузинском храме в Гелати), причем без всякой границы между конхой и стеной. Вообще, в киевском соборе столичная мозаично-мраморная декорация алтаря и купола (демонстрирующая вполне столичное понимание доминант средневизантийского храма) оказывается противопоставлена провинциальной фресково-шиферной декорации остального объема.

Наконец, неясно и происхождение самой конструктивной основы Св. Софии — крещатых столпов и продолжающих их выделенных подпружных арок: с одной стороны, эта форма встречается в Сотире Ликодиму (в ряду самых западных столпов; рис. 2: 4, ил. 7) — провинциальной копии столичной постройки (см. выше); с другой стороны, в таком количестве и — главное — качестве (как опоры купола) они используются в это время только на северо-восточной периферии Византии — в Херсоне, Трапезунте и Абхазии (ил. 8)³⁶.

Происхождение архитектуры Св. Софии Киевской. Так как же объяснить совмещение в Св. Софии Киевской двух противоположных аспектов: близости к основным тенденциям константинопольской архитектуры второй четверти XI в. и во многом провинциального ее характера³⁷? Притом следует отметить, что совмещение это иное, чем в кафоликонах Неа Мони и монастыря Осииос Лукас, где константинопольскому интерьеру противостоит типичный экстерьер “элладской

школы” (с некоторыми “константинополитанизмами” в виде полукруглых и апсидиольных ниш), — если в них общая конструкция здания, несомненно, столичная, то в Св. Софии Киевской смешанный, столично-провинциальный характер, имеют и экстерьер (с теми же нишами, но только плоскими³⁸, как в высококачественных провинциальных памятниках), и интерьер (где мозаики и мрамор в апсиде сочетаются с фресками в наосе), и сама конструкция (состоящая из множества крещатых опор и выделенных подпружных арок).

Очевидно, ее строитель был в курсе основных тенденций и приемов столичного зодчества данной эпохи: поиска новых решений, обращения к ранневизантийским образцам, способов варьировать пространство. Однако лишенный некоторых составляющих, необходимых для создания поистине столичного здания (достаточного для облицовки стен мрамора, замененного в результате на шифер³⁹; квалифицированных мастеров, способных выводить сложные своды⁴⁰), он, компенсируя эту недостачу за счет элементов провинциальной византийской архитектуры (разнообразные столпы, меандр и кладка/имитация кладки *cloisonnée* на фасаде), нашел свою собственную нишу для архитектурного эксперимента.

И такой эксперимент как раз вписался в рамки церковного зодчества периферийных христианских государств предшествующей эпохи — X в.: Болгарии и Абхазского царства. Эту архитектуру характеризует и создание нестандартных планировок (квази-пятинефные храмы — собор в Мокви и Нижняя церковь “у крепостной стены” в Преславе; ротонда с нишами по периметру — преславский круглый храм; церковь с частичным раскрытием изолированных угловых ячеек — храм в Тузлалыке близ Преслава⁴¹), и нетрадиционное использование архитектурных элементов: выведение рукавов креста за пределы наоса (Нижняя церковь “у крепостной стены” в Преславе), апсидиоли в наосе (храм в болгарской Винеце⁴²), скругление углов подкупольного квадрата (церковь в болгарской Патлейне⁴³), частичное или полное слияние наоса и нартекса (абхазские храмы в Лыхнах, Лоо и Алахадзы).

Но такое архитектурное направление присутствовало и на Руси: эту линию продолжает современный Св. Софии Киевской Спасский собор в Чернигове (рис. 1: 3), воспроизводящий редкую для своего времени модель “купольной базилики”, в ее средневизантийском изводе, с новацией в виде “обрыва” хор на востоке и типичным для провинции почти полным отсутствием мраморных элементов⁴⁴. Но и сама “усложненная” архитектура Св. Софии Киевской, в свою очередь, продолжает усложненность конструкции Десятинной церкви (относящейся еще к той самой архитектуре X в.) с ее “умножением ячеек” и многокупольностью⁴⁵.

Такие уникальные элементы Св. Софии Киевской, как дополнительные боковые “нефы”, тринадцатикупольность, угловые ячейки хор с центральным столпом, представляются частью византийского архитектурного эксперимента второй четверти XI в., умело учитывающего плюсы и минусы локальной специфики молодого христианства далекой от Константинополя Киевской Руси. Пожертвовав — скорее

вынужденно, чем сознательно — столичным изяществом, строитель Св. Софии Киевской⁴⁶ добился особой выразительности⁴⁷ за счет нестандартных решений и умелого смешения разнородных элементов, создав храм, далекий одновременно и от рядовой продукции провинциального зодчества, учитывающий тенденции своего времени и вместе с тем наследующий традициям предыдущего периода.

Примечания:

- ¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-18006. Автор благодарит за ценные советы и замечания Х. Бухвальда, Е.А. Виноградову, О.С. Попову и, особенно, Д.Д. Ёлшина.
- ² Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Пер. А.В. Назаренко. — М., 1993. — С. 142.
- ³ Poppe A. The building of the church of St Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. — 1981. — Vol. 7. — P. 15–66. Невозможно представить себе, что в Киеве начала XI в. существовало одновременно две Св. Софии.
- ⁴ Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // *Древнейшие государства Восточной Европы*. — 2005 год. — М., 2008. — С. 493–494. — № 51. Ср. также: Высоцкий С.А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. — Киев, 1989. — С. 10–21.
- ⁵ Подр. см.: Михеев С.М. Когда был построен Софийский собор в Киеве? // *Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский (Труды Центра славяно-германских исследований. — П.)*. — М., 2012. — С. 231–243. Сам автор предлагает в качестве даты освящения 4 ноября (?) 1039 г., однако единственный аргумент в пользу этой гипотезы (50 лет до гипотетического переосвящения в 1089 г.) кажется нам слишком слабым; освящение храма в воскресенье, вопреки распространенному мнению, совершенно не является обязательным, см.: Виноградов А.Ю. День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV – XIII вв.): стратегии выбора // *Средние века*. — Вып. 73 (1–2). — 2012. — С. 154–177. Кроме того, в таком случае оказывается, что вышеупомянутое греческое граффито, созданное до 31 августа 1039 г., было процарапано еще до освящения храма, что также представляется маловероятным.
- ⁶ Холостенко Н.В. София Киевская и формирование киевской архитектурно-строительной школы // *Материалы исследований ГАИЗ “Софийский музей”*. — К., 1973. — С. 20–26.
- ⁷ Эта хронология совпадает в общих чертах с предложенной в работе С.М. Михеева (*Указ. соч.* — С. 239), за исключением того, что мы склонны относить застройку Спасского собора в Чернигове не к 1033–1039 гг., но к первой половине 1040-х гг., а строительство церквей Св. Георгия и Св. Ирины в Киеве не видим оснований датировать именно концом 1040-х — началом 1050 гг.
- ⁸ Последний обзор (А.И. Комеча) см. в: *История русского искусства*. — Т. 1. — М., 2007. — С. 146–168.
- ⁹ О взаимоотношении византийской и ранней русской архитектуры в целом см.: Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. — М., 1987; Ousterhout R. The Byzantine Contribution to Early Russian Architecture // *Archaeologia Abrahamica / Изд. Л.А. Беляев*. — М., 2009. — С. 213–230. В рамках настоящей работы мы не касаемся дискуссии о

невизантийских элементах в Св. Софии Киевской, а также вопроса о ее месте в истории византийской строительной техники (об этом см.: Schäfer H. *Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert // Istanbuler Mitteilungen*. – Bd. 23–24. – 1973–1974. – S. 197–224; Липатов А.А. *Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты*. Дисс. – СПб., 2006).

¹⁰ Mango C. *Byzantinische Architektur*. – Luzern, 1975. – S. 208.

¹¹ О строительной деятельности Василия II см. в: Riccardi L. “Un altro cielo”: l'imperatore Basilio II e le arti // *Rivista dell'Istituto Nazionale di Archeologia e Storia dell'Arte*. – Vol. 61 (III serie, XXIX). – 2006 [2011]. – P. 117–128.

¹² “... он и сам принялся воздвигать храм Божьей Матери... Расходы непрерывно росли, и денег каждодневно собиралось еще больше, чем нужно было для строительства... Раскапывались целые горы, горнорудное дело ценилось выше самой философии, одни камни обкальвались, другие полировались, третьи покрывались резьбой, а мастера этого дела почитались не меньше Фидия, Полигнота и Зевксида, а ему все было мало для сооружения храма! Двери царской сокровищницы распахнулись настезь, золото потекло рекой, но источники истощались, а строительство так и не прекращалось, ибо постройки разбирались одна за другой и, исчезнув, возрождались вновь, то размерами побольше, то с украшениями поизысканнее... он... ради того, чтобы его храм превзошел красотой прочие, погубил все остальное. Если позволено так сказать, он бредил храмом и готов был им любоваться, не отрывая глаз. Поэтому он и придал ему вид царского дворца, установил троны, украсил скипетрами, развесил пурпурные ткани и сам проводил там большую часть года, гордясь и восхищаясь красотой здания” (Михаил Пселл. *Хронография / Пер. Я.Н. Любарского*. – М., 1978. – С. 27). О храме см.: Dark K. *The Byzantine Church and Monastery of St Mary Peribleptos in Istanbul // The Burlington Magazine*. – Vol. 141. – 1999. – P. 656–664.

¹³ “... соорудил перед стенами восточной стороны великолепный храм Бессребреников, но не основание ему положил, а увеличил и новые фундаменты кругом заложил. Дело в том, что на том месте уже стояла церковь, не отличавшаяся великолепием и не примечательная своим устройством. Ей-то он и придал прекрасный вид, огородил стенами, украсил новыми строениями, устроил там Божью обитель, размахом и щедростью затмив почти всех прежних царей, пекшихся о сооружении святых храмов. Глубину церкви он сделал соразмерной с ее высотой, сообщил неописуемую красоту гармонии зданий, в стены и пол вделал самые ценные камни, озарил весь храм сиянием золотых мозаик и искусством художников и, где только было можно, украсил святых ликами; кроме того, он придал, и, если можно так сказать, присовокупил к храму очарование купален, изобилие вод, благолепие лугов и все другое, что радует глаз и привлекает к себе наши чувства” (Михаил Пселл. *Указ. соч.* – С. 41).

¹⁴ “Предполагаемые размеры первого здания не удовлетворяли Константина: фундамент заложили небольшой, соответствующей величины было и все остальное, да и особой высотой оно не отличалось. Прошло немного времени, и царя стало мучить желание соорудить храм, который бы не

только не уступал, но и намного превосходил все когда-либо существовавшие здания... Золото же, как из неиссякаемого источника, бурным потоком потекло из казны. Храм еще не был закончен, как снова принялись все менять и переиначивать: разрушили совершенную гармонию камней, сломали стены и сравняли с землей всю постройку. Причиной же послужило то, что в соперничестве с другими зданиями этот храм не одержал полной победы, но уступил первенство одной церкви. И вот опять возвели новые стены, и проведенный, как из центра, идеальный круг еще искусней, если можно так сказать, описал третью по счету церковь, высокую и величественную” (Там же. – С. 125). О храме см.: Demangel R., Mamboury E. *Le Quartier des Manganes et la premiere region de Constantinople*. – Paris, 1939. – P. 19–38.

- ¹⁵ Mango C. *Op. cit.* – S. 208. Напротив, Исаак I Комнин (1057–1059) “отнял у храмов почти всю их собственность, передал ее в казну, а им самим определил только самое необходимое” (Михаил Пселл. Указ. соч. – С. 158). Характерно, что о пригородном храме в Пиперудионе, заложенном императрицей Евдокией Макремволитиссой в 1064 г., историки упоминают только в контексте ее ссылки.
- ¹⁶ В дальнейшем под столичной, или константинопольской архитектурой мы будем понимать совокупность памятников Константинополя и его окрестностей, а также китторские императорские постройки в провинции. Также следует оговориться, что в настоящей работе мы рассматриваем и памятники, которые не имеют точной датировки внутри XI в., но стилистически соответствуют архитектуре второй его четверти.
- ¹⁷ Фрагментарная сохранность средневизантийской архитектуры не позволяет нам утверждать, что этих типов не было в X в.: так, своеобразный вариант “октагона на трюпах” мы находим в оттоновском храме Визельбурга (Нижняя Австрия; 993–994 гг.). Однако все же характерен расцвет этого типа (сразу 3 памятника) именно во второй четверти XI в.
- ¹⁸ У этого храма нет точной датировки: по археологическому контексту он датируется последней четвертью X – XII вв. (Δημητράκοπουλος Σ. *Ἐκκλησιῆς καὶ Μοναστήρια τῶν Ἀθηνῶν*. – Ἀθήνα, 2006. – Σ. 111).
- ¹⁹ Μπούρας Χ.Η *ἀρχιτεκτονικὴ τῆς Παναγίας τοῦ Μουχλίου στὴν Κωνσταντινούπολη // Δελτίον ΧΑΕ*. – Τ. 26. – 2005. – Σ. 35–50.
- ²⁰ Об этих памятниках см.: Mango C. *Op. cit.* – S. 219–235. Впрочем, некоторую аналогию храму в Манганах можно найти в церкви в Патлейне (Болгария) начала X в.
- ²¹ Ćurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (c. 300 – c. 1550)*. – New Haven – London, 2010. – P. 335–336.
- ²² Χατζητρύφωνος Ε. Τὸ περίστωο στὴν ὑπεροβυζαντινὴ ἐκκλησιαστικὴ ἀρχιτεκτονικὴ. – Θεσσαλονίκη, 2004. – Σ. 315–317 (там же см. об альтернативной датировке храма второй половиной XIII в.).
- ²³ Об этом типе см.: De’ Maffei F. *Il problema della cupola su vano quadrato e la Santa Sofia di Constantinopoli // La Persia e Bisanzio*. – Roma, 2004. – P. 679–735.
- ²⁴ См.: Cuneo P. *Architettura armena*. – Roma, 1988. – P. 524–525, 556–560. Нельзя исключать, что Панагия Камариотисса была построена непосредственно под руководством армянского зодчего – Трдата из Ани,

реставрировавшего около 990 г. Св. Софию Константинопольскую (Mathews T.F., Mango C. *Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul with a Note on Panagia Kamariotissa and Some Imperial Foundations of the Tenth and Eleventh Centuries at Constantinople* // *DOP.* – Vol. 27. – 1973. – P. 115–132).

- ²⁵ По схожему образцу был построен в 879 г. и храм Сан-Сатино в Милане.
- ²⁶ “... склонности к артикуляции, к контрастам поверхности и членений, и к их ясному соотношению” (Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine architecture.* – New Haven, London, 1986. – P. 353).
- ²⁷ Boiadziev S. *L'église cruciforme à cinq nefs à Preslav* // *Byzantinobulgarica.* — Vol. 4. – 1973. – P. 54–73.
- ²⁸ Недавняя попытка (Бгажба О.Х., Сакания С.М. Результаты археологических раскопок в Моквском храме 2006 г. // *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа.* – Владикавказ, 2008. – С. 35 – 40) доказать первоначальное отсутствие перегородок у боковых “нефов” Моквского собора опровергается тем фактом, что большинство этих перегородок завершается аркой из камня над плоской нишей, в то время как изначально предполагавшиеся открытыми арки выложены из плинфы (совместное наблюдение с Д.В. Белецким).
- ²⁹ О них см.: Theis L. *Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau.* – Wiesbaden, 2005.
- ³⁰ Brunov N. *Die fünfschiffige Kreuzkuppelkirche in der byzantinischen Baukunst* // *Byzantinische Zeitschrift.* – Bd. 27. – 1927. – S. 63–98; Idem. *L'église a croix inscrite a cinq nefs dans l'architecture byzantine* // *Echos d'Orient.* – Vol. 26. – 1927. – P. 3–32.
- ³¹ Виноградов А.Ю. Заметки о византийском прототипе древнерусских Софийских соборов // *Труды Государственного Эрмитажа.* – Т. 65. – 2012. – С. 225–231.
- ³² То, что эти элементы воспроизводились и в провинциальных памятниках, не являющихся императорскими заказами, мы знаем, например, по храму в Дере-Азы – собору Маставры (рис. 1: 4), второй по значимости епископии Ликии, и по церкви Квелацминда близ Вачнадзиани в Кахетии (ил. 4; см.: Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Бамборский храм и проблема “купольного зала” в Византии и на Кавказе // *РА.* – 2012. – № 3. – С. 97–108). Следует уточнить, что во втором ярусе внутренней галереи Св. Софии Киевской предполагалось наличие не классических крестовых, а встарушенных (“крестовых встарушенных”) сводов (Асеев Ю.С., Тоцкая И.Ф., Штендер Г.М. Новое о композиционном замысле Софийского собора в Киеве // *ДР. Художественная культура X – первой половины XIII в.* – М., 1988. – С. 13–27).
- ³³ Как показала Л. Тайс (Theis L. *Op. cit.* – S. 74–82), меандр на южном фасаде Эски-Имарте-джами, бывший единственным в средневизантийском Константинополе, относится к палеологовской перестройке храма.
- ³⁴ Один карниз на стенах (вместо двух) характерен для храмов, промежуточных между столичной и провинциальной архитектурой; ср., например, современные Св. Софии Киевской Панагию тон Халкеон в Фессалонике

(1028 г.) и афинский Сотир Ликодиму – провинциальную реплику столичной постройки.

- ³⁵ См.: Theis L. *Op. cit.*
- ³⁶ В Херсоне это храмы № 21 и 34 (X–XI вв.; см.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). – Л., 1950. – С. 231–239); в Трапезунте – Панагия Хрисокефалос и Накип Джами; в Абхазии, из полностью сохранившихся – храмы в Лыхне и Мокви, из не сохранивших оригинальные своды – церкви в Лоо, Веселом, Алахадзы, Бзыбской крепости, Мсыгхуа и Новом Афоне (все конца IX – второй трети X в.; см.: Рчеулишвили Л.Д. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. – Тбилиси, 1988; работа по данной теме в настоящей момент готовится к печати автором этих строк совместно с Д.В. Белецким). В Малой Азии ими могли бы быть “византийские” церкви Св. Троицы в Фурунлу и Св. Афанасия на Гюзелим Тепе близ Эфеса (Keil J., Premerstein A., von. Bericht über eine dritte Reise in Lydien und den angrenzenden Gebieten Ioniens. – Wien, 1915. – S. 83–85), однако, по любезному сообщению Х. Бухвальда, они, скорее всего, относятся к XVIII–XIX вв. Другим важным показателем для Малой Азии является полное отсутствие крещатых столбов в пещерных храмах Каппадокии.
- ³⁷ К выводу о “смешении” в Св. Софии константинопольских провинциальных черт приходит, правда, на несколько иных основаниях, и А.И. Комеч (История русского искусства... С. 146–168).
- ³⁸ Единственная полукруглая ниша на фасаде находится на северной апсиде, в верхнем ряду, по центру.
- ³⁹ О каменной декорации Св. Софии Киевской см.: Архипова Е.И. Резной камень в архитектуре древнего Киева (конец X – первая половина XIII вв.). – К., 2005. – С. 52–90.
- ⁴⁰ Mango C. *Op. cit.* – S. 328. Характерно, что мраморные детали в черниговском Спасском соборе относятся как раз с первому этапу (до 1034 г.), отличному по технике от Св. Софии Киевской.
- ⁴¹ Дончева С. Кръстокуполните църкви в Първото българско царство. – София, 2008. – С. 317.
- ⁴² Там же. – С. 305.
- ⁴³ Там же. – С. 308.
- ⁴⁴ Кроме колонн, относящихся к первому этапу строительства; см. прим. 4.
- ⁴⁵ Многокупольность как таковая не является провинциальной чертой, так как одним из самых ранних средневизантийских ее примеров была церковь Неа в Константинополе – ктиторийская постройка Василия I (см.: Čurčić S. *Op. cit.* – P. 337. N. 153, 154).
- ⁴⁶ Если искать его родину, то сочетание столичных и специфических провинциальных черт (особенно крещатых опор) укажет скорее на Херсон: так, в вышеупомянутом храме № 34 присутствуют такие столичные элементы, как мраморный наборный пол и настенная мозаика из смальты.
- ⁴⁷ Суть художественной выразительности Св. Софии Киевской никто не сформулировал лучше, чем А.И. Комеч (История русского искусства... С. 146–168).